всех нас, и аще сему попустим, сложився с ними, имать победити всех нас».[1]

1 августа 1375 года союзники взяли Микулинск, а 5 августа подступили к самой Твери. Они сожгли посад, обступили город, подкатили туры, зажгли стрельницу на Тмацком мосту, «и в скорби бысть весь град».[2] 8 августа Дмитрий Иванович собирался приступом взять город, но у Волжских ворот Михаил Александрович сделал вылазку, побил осаждавших и сжег их туры. Этот незначительный тактический успех тверской летописец раздувает в большую победу, ниспосланную тверичам богом, а Симеоновская летопись даже не упоминает о столкновении у Волжских ворот, не без основания считая его эпизодом, не оказавшим влияния на конечный исход кампании.

Наконец, после длительной осады, Михаил Александрович, видя «свое изнеможение», послал к Дмитрию «с покорением и с поклонением» и стал просить мира. «Князь же великий, — отмечает Симеоновская летопись, — не хотя видеть разорениа граду и не хотя видети кровопролитиа христианьского, взя мир с князем с Михаилом на всей своей воли».[3]

В чем же заключалась «вся воля» Дмитрия Ивановича? Ответ на это дает московско-тверской договор 1375 года, заключенный после поражения Михаила Александровича.[4] Этот документ составлен в виде ультиматума, предъявленного тверской стороне. После того как Михаил Александрович согласился на все предъявленные ему требования, ультиматум превратился в договор, заключенный на долгое время («а целованья не сложити и до живота»). Договор выходит за пределы московско-тверских отношений. В нем нашло выражение новое политическое положение, сложившееся к этому времени в северо-восточной Руси. Прежде всего констатируется, что великий князь Московский, который в это время считал своей отчиной не только княжество Московское, но и великое княжество Владимирское (как это подчеркивается в другом месте договора),[5] является главой русских князей, действующих с ним заодно: «А князи велиции крестьяньстии и ярославьстии с нами один человек». Но этого мало: его влияние простирается также на великое княжество Смоленское, которое он берется оборонять наряду с другими княжествами от литовского натиска: «А поидут на нас литва или на смоленьского на князя на великого, или на кого на нашю братью на князей, нам ся их боронити». Это влияние простирается и на Новгород Великий, который перечисляется в составе отчинных земель Дмитрия Ивановича[6] и в отношении которого Михаилу Александровичу предписывается «под нами не искати, и до живота, и твоим детем, и твоим братаничем». Даже Рязань в какой-то мере вовлечена в эту систему, поскольку князь рязанский Олег Иванович назначался третейским судьей для разбора могущих возникнуть в будущем некоторых спорных вопросов.

Дмитрий Иванович выступает в договоре арбитром общерусских дел и верховным защитником русских земель. Договор предусматривает, что если Михаил Александрович начнет обижать других русских князей, «нам, дозря их правды, боронитися с ними от тебе с одиного. А имут

---

[1] ПСРЛ, XI, стр. 23.
[2] ПСРЛ, XV, стлб. 434.
[3] ПСРЛ, XVIII, стр. 116. Эту же похвалу Дмитрию Ивановичу находим и в Рогожском летописце (стлб. 112).
[4] Духовные и договорные грамоты..., № 9, стр. 25—28.
[5] «А имут нас сваживати татарове, и имут давати тебе нашу вотчину, великое княженье».
[6] «Целуй ко мне крест... и к нашей вотчине в Великому Новугороду».